

Семья Лейфер в 1905 году

ПРИТЯГАТЕЛЬНЫЙ СВЕТ КУЛЬТУРЫ

В США существовала теория страны – как гигантского котла, в котором переплавляются в американцев разноязычные выходцы со всех континентов.

Но испытания временем эта идея не выдержала и была заменена теорией винегрета. Каждому овощу отведено свое место: индейцам – резервации, китайцам и афроамериканцам – свои кварталы и т. д. А в Сибири не сочиняли никаких ассимиляционных программ, но семейные истории красноречиво рассказывают, как в суровых условиях дружно и объединенно жили представители разных национальностей, прорастая друг в друга. И в мирном, спокойном нравственном климате рождалась новая национальность – сибиряки. История рода Лейферов-Болотовых тому подтверждение.

ССЫЛЬНОМУ ПОМОГ ГУБЕРНАТОР ХРУЩОВ

Председатель омского отделения Союза российских писателей Александр Лейфер знает историю семьи по линии отца, начиная с прапрадеда – своего тезки Александра Лейфера. Этот далекий предок, уроженец Виленской губернии, стал основателем фамилии на омской земле. Прибыл он в Сибирь не по своей воле, а по царской: был послан за участие в польском восстании, хотя поляком не был. А участие заключалось в том, что доктора пана Сендера, как в местечке Утьян звали Александра Лейфера, поляки с завязанными глазами увезли в свой повстанческий лагерь, предложив лечить раненых.

Ссылка в Сибирь считалась тяжким наказанием. Что знали на западе страны о нашем далеком крае? Холод, место, предназначенное для каторжан и убийц. Медведи по улицам ходят – этот миф в так называемых цивилизованных странах жив и по сей день, и иностранные гости Омска порядком утомили нас своим радостным удивлением, что это не так. А уж 150 лет назад, без телевидения и Интернета, Сибирь воспринималась не иначе, как холодная тюрьма. Местом жительства семье определили село между Каинском и Татарском. Но Александру Моисеевичу хотелось дать образование детям, и глава семьи решил хлопотать о разрешении жить в большом городе – Омске.

Приехав в город с прошением на имя начальника края Александра Петровича Хрущева, он подошел рано утром к воротам генерал-губернаторского дворца, но они были закрыты. А в саду какой-то человек в халате и шляпе рвал цветы. В ответ на просьбу ссыльного фельдшера подошел к решетке, назвал садовником генерал-губернатора, внимательно выслушал историю и посоветовал прийти в приемную дворца через два часа. Спустя два часа отворилась дверь, и к посетителям вышел генерал при полном параде. Подойдя к Лейферу, он сказал: «Я все знаю, давай прошение». Александр Моисеевич был ошеломлен, перед ним стоял

«садовник» в генеральской форме. «Что, узнаешь знакомого?» – спросил Хрущов. Вопрос о переезде в Омск был решен.

А городской врач Кабанов помог начать медицинскую практику, посылая фельдшеру больных, нуждавшихся в кровопускании, лечении пиявками, банками – эти процедуры были тогда очень популярны.

Яков Лазаревич Лейфер (1874–1954) и Эстер (Настасья) Яковлевна Лейфер (1874–1958) в год свадьбы, 1891-й

ДИПЛОМ ПО ПОЧТЕ

Сын Александра Лазарь учительствовал. Своего сына Якова после окончания уездного училища уговорил пойти учеником наборщика в типографию. Ее владелец Демидов был соседом. В конце XIX века многие считали, что работа в типографии – это завидная ступень к лучшей, культурной жизни. Но семнадцатилетний юноша увлекся не культурой, а политикой. Двое наборщиков были ссыльными социал-демократами, и они «просветили» Якова, рассказав о Марксе, Энгельсе и левом движении. Потянуло в Петербург, но родители, ужаснувшись будущему сына «в дурной компании», приняли свои меры – попросту женили отпрыска. Для этого даже были «потеряны» метрики, а в новом документе по знакомству прибавили год – до 18 лет вступать в брак не разрешалось. Впрочем, невеста жениху понравилась и жили они вместе, как в сказке, долго и счастливо.

А путь к лучшей жизни Якову Лейферу открыла не типография, а заочные курсы по двойной итальянской бухгалтерии профессора

Александр (Сендер) Моисеевич Лейфер (?–1887) и Мария Яковлевна

Лилиенталя. Из Москвы присылали задания, их следовало выполнить и отправить в Москву. Способному молодому человеку учиться было интересно. По почте же пришел в Омск и диплом. Такое образование считалось редкостью, и должностей долго ждать не пришлось. Яков заведовал конторами, банковскими делами в разных торговых и акционерных обществах. С годами рос авторитет. При открытии Коммерческого клуба Лейфера выбрали в число старшин, потом – в ревизионную комиссию. Почетно было состоять в учетном комитете при банках. Впоследствии успешная карьера и незапятнанная репутация станут минусом. Коммерческо-капиталистическое прошлое при советской власти означало, что у детей – а их было восемь – нежелательное социальное происхождение, что было препятствием к получению образования. Но пятеро Лейферов следующего поколения все же окончили вузы. Один из них, Эрахмиэль, стал учителем.

РЯДОВОЙ БОЛОТОВ

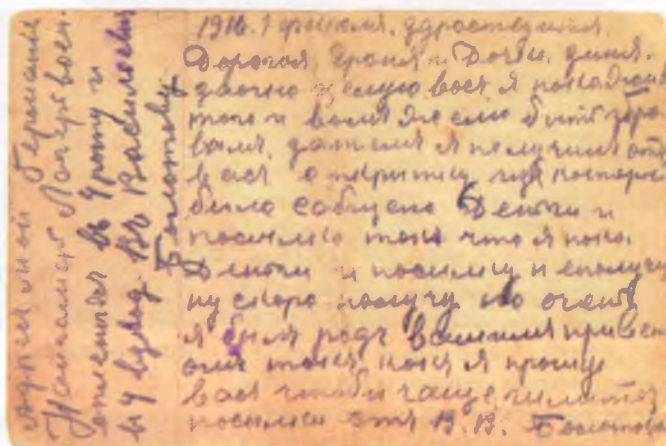
Нередко газетно-журнальные публикации Александр Эрахмиэлович Лейфер подписывает фамилией Болотов. Это не псевдоним, а фамилия предков по материнской линии, прибывших в Омск с вятской земли, из поселка Слободского. Вятчей в Прииртышье много, в Тарском районе есть даже деревня со старинной церковью под названием Вятка. Северная Русь пустила в Сибири корни не слабее, чем Украина на юге области. И вот

какое высказывание литератора из нынешнего Кирова В. Лебедева поразило писателя Александра Лейфера: «Слобожане из вятских – самый вятский народ».

Вятский омич Василий Васильевич Болотов, крестьянин во всех поколениях, в 1914-м был призван на Первую мировую и служил в конной разведке 324-го Клязьминского стрелкового полка. Конная разведка – это рейды по тылам противника, ежеминутная опасность. В сентябре 1915-го отряд из трех разведчиков, возвращаясь с задания, наскочил на шестерых немецких конников. Удалось оторваться, но не уйти. Окружили егеря, Василий Болотов был ранен в правую руку и взят в плен. Определили в лагерь Наугаммер, неподалеку от Дормунда, почти у самой границы с Францией. Немецкая неволя Первой и Второй мировых войн для русских пленных – огромная разница. В Великую Отечественную семьи попавших в плен красноармейцев получали страшное извещение: «Пропап без вести». А двадцатью годами раньше приходили от узников письма, доставлявшиеся через линию фронта, родные могли отправлять им посылки. В архиве Александра Лейфера аккуратной стопочкой лежат 46 почтовых карточек-весточек, пришедших из Германии за два года. «Здравствуйте, дорогая супруга Граня и доченька Зина. Шлю вам свой сердечный привет и желаю быть здоровыми. Уведомляю, что получил от вас посылку и 10 рублей. Очень благодарю. Ты, Граня, просишь написать насчет посыл-

Василий Васильевич Болотов
(1878–1944)

Глафира Алексеевна Болотова
(1885–1972)

ки. Я получил сухари, чай, сахар, колбасу. Вам посылаю две фотокарточки. До свидания, милая моя Граня и дочка Зина. Остаюсь жив и здоров». На фотоснимках Василий Болотов выглядит хорошо, достойно и даже франтовато – с цепочкой дорогих в ту пору часов. Впрочем, выстрадать пришлось немало. Его ремесло портного пригодились и в Германии. А мастером он был классным, шил все – от исподнего белья до полушубка. В плену трудился, не покладая рук, чтобы накопить денег... на побег. После первой попытки сбежать поймали и избили. Неудачей окончилась и

Письмо Василия Болотова из германского плена

Василий Васильевич Болотов в германском плену (слева)

вторая. Избитого до полусмерти отлили водой и пригрозили судом и расстрелом. Но и это не остановило. Отлежавшись, нашел напарника – уральского татарина Саидгарея, может, это и помогло.

А на родине – новая власть. В документе с портретом Ленина, выданном пленбежем, было написано: «Освобожден Германской революцией. Добро пожаловать в революционную Россию!». Какая-то такая революция – рядовой Болотов не ведал. Но расписался в получении полушубка, валенок, шаровар, гимнастерки, рубахи, кальсон, утиральника, солдатской папахи и 25 рублей. А еще новый документ предписывал советам и комитетам бедноты перевозить бывшего военнопленного на лошадях от деревни до деревни.

Долог путь на лошадях. А в белый Омск, через фронт Гражданской войны был вовсе невозможен. Надолго застрял Василий в Екатеринбурге. Портняжничал и мучился от неизвестности: что там, дома? Теперь уж нельзя было ни посылать, ни получать писем. В один из вечеров его уговорили пойти в театр. Неожиданно спектакль остановили, на сцену вышел человек в кожаной куртке и прокричал, что Омск взят непобедимыми красными войсками. Последний выразительный документ о странствиях Василия Болотова – аттестат отдела снабжения Екатеринбургского губп-

ленбежа: «удовлетворен продуктами на трое дней». В конце ноября 1919 года солдат вернулся домой.

КНИЖНИКИ

Зинаида Болотова окончила знаменитый омский художественно-промышленный техникум имени М. А. Врубеля. Училась вместе с Кондратием Беловым. Но стала не живописцем, а преподавателем рисования в Казахском педучилище, из которого выросло потом Педучилище № 1, ныне колледж. Завучем в этом учебном заведении был Эрахмиэль Лейфер.

Что свело этих людей, русскую и еврея, девушку крестьянского рода и потомка разночинцев? Естественный ответ – любовь. Встретились бы на улице или в дружеской компании, можно было бы говорить о любви с первого взгляда. Хороша собой была Зинаида! А они встретились на работе, и чувство подогревала общность интересов, тяга к творчеству. Она – художница, он не только преподаватель физики, но и скрипач (это увлечение впоследствии привело Эрахмиэля на должность завуча создавшегося в Омске Музпедучилища.) Любили книги и вместе собирали библиотеку.

Если внимательно взглянуть в прошлое семей, из которых они вышли, становится очевидно, что при совершенной разности жизненных укладов свет образования и культуры был притягательным в обеих линиях предков. Тому есть документальные свидетельства. Яков Лейфер оставил записки, посвященные биографии семьи. В них интереснейшие наблюдения о жи-

ни еврейской общины в дореволюционном Омске. По мнению Якова, ее отличала узость интересов, замкнутость, застой в образовании, мещанский быт. И, «пользовавшийся хорошим именем в русском обществе», финансист Яков Лейфер взял на себя миссию культурного просветительства. Он помог открыть четырехклассное русско-еврейское училище, библиотеку, пожертвовав много собственных книг, приобщал читателей – пожилых и юных – к классике, выписывал газеты и журналы. На этом пути энтузиаст-одиночка встречал непонимание и неодобрение, но это не останавливало. А наградой была заразительность цели для молодежи, и скоро вся община записалась в читатели его библиотеки.

Другой документ в семейном архиве – Похвальный лист выпуск-

Эрахмиэль Яковлевич Лейфер (1911–1995), заслуженный учитель школы РСФСР, первым в Омске был удостоен этого звания в 1958 году

Зинаида Васильевна Болотова (1908–1975)

нице Слободского женского начального народного училища Глафире Ашихминой (в замужестве Болотовой) «за весьма хорошие успехи и благонравие» был выдан «мая 28 дня 1893 года». Этим училищем и ограничилось образование бабушки писателя по материнской линии. Была она дочерью бедняков, землекопа и прачки.

«Помню, она много раз со слезами на глазах рассказывала мне, как неслась тогда в родную деревушку после вручения «Листа». Как умоляла отца и мать разрешить учиться дальше: две учительницы, сестры-бобылки, приглашали ее к себе в дом, живя в котором и помогая им по хозяйству, она смогла бы продолжить учебу. Но не умолила, не

пустили. Нужно было как-то тянуть дальше немалую семью... Вот и плакала она каждый раз, когда много лет спустя рассказывала о своей несбывшейся дальнейшей учебе, о том, как во сне решала задачки, как буквально бредила всем этим. До того, как отказали глаза, свободно читала она газету, знала наизусть (еще с тех, училищных, времен!) десятка полтора стихотворений. Это от нее, полуграмотной, впервые услышал я строки Пушкина и Лермонтова. Про бурю, которая мглою небо кроет. Про царицу Тамару, которая прекрасна, как ангел небесный, но, как демон, коварна и зла. Они в училище пели эти стихи, взявшись за руки и гуляя кругом...

Как я прикидываю, это начальное народное трехклассное училище можно, пожалуй, приравнять к нашей довоенной-послевоенной семилетке... Бабушка моя с ее «Похвальным листом» научила читать-писать еще одного человека – собственного мужа, то бишь моего деда Василия Васильевича».

Это отрывок из проникновенного очерка Александра Лейфера «Верить в душе...», посвященного Глафире Алексеевне Болотовой. Добрейшая, по-христиански терпеливая и терпимая к людям, она лишь по одному поводу позволила себе впасть в грех резкого осуждения: к тем рабочим, что ломали и переделывали под кинотеатр «Экран» Николо-Игнатьевскую церковь. Жили рядом, в Игнатовке, как по имени храма называли кварталы улиц Восточных.

СВОЙ ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Александр Лейфер окончил отделение журналистики Казанского университета, и это было предметом гордости предков по обеим линиям. Работал в омских газетах, был в числе организаторов Омского Литературного музея имени Ф. М. Достоевского. Двенадцать книг, сотни публикаций в сборниках, альманахах, журналах и газетах Омска, Москвы, Новосибирска, Иркутска, Екатеринбурга, Красноярска, Кемерова. Его стезя – документальная проза, литературное краеведение. Герои писателя – наши неординарные земляки: Федор Достоевский, Чокан Валиханов, Григорий Потанин, Петр Драверт, Андрей Палашенков, Павел Васильев, Вильям Озолин, Валентина Бархатова, Александр Горбань... Он в постоянном поиске документов об омичах, известных каждому и

незаслуженно забытых. Бывает, что часы, проведенные в архивах, не приближают к истине. А случается – кулек из-под семечек, купленных на базаре у старушки, оказывается свернутым из редкого документа, открывающего неизвестный эпизод из жизни ученого и поэта Петра Драверта. Выбранный в литературе путь – своеобразное подвижничество. Много выходит книг об омской истории, и достопримечательностями называют здания. А достопримечательные люди – духовное богатство края, и круг этих интересных личностей все шире благодаря многолетним трудам немногих. В их числе – Александр Лейфер. Его общественная работа много лет тесно связана с основной – помощь молодым литераторам. 34 альманаха «Складчина» под его редакцией – тому подтверждение.

Светлана Васильева.

Антон и Дмитрий
с отцом, 2001 год

Рисунок Владимира Кудряшова.

Александр Лейфер, заслуженный работник культуры России, лауреат премии Администрации Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства в области литературы»:

– Сколько перебывало в моих руках старых документов – тысячи и тысячи. Сколько раз очаровывал меня их скупой, но нестигаемый тон, их неповторимый запах. Особая оторопь охватывает перед остановленным временем. Чувство нескончаемости, власти жизни и на самого-то себя заставляет посмотреть как бы со стороны, ты-то, собственно, кто такой? Откуда пришел, что и зачем делаешь, куда уйдешь, что после себя оставишь?.. А в документах из семейного архива – отблески жизней близких мне людей. Уникальные документы, фотографии, воспоминания, оставленные дедом и отцом, мне казалось, должны быть интересны не только мне, двоим моим сыновьям и внуку. Я считал своей обязанностью опубликовать тетрадь деда Якова. И она вышла в «Известиях» Омского государственного историко-краеведческого музея. А отрывок из воспоминаний отца скоро появится в «Складчине». Когда я писал «семейные истории» о родственниках-вятичах, чувствовал, что отдаю внутренний долг. Он еще не исполнен до конца. Пятеро двоюродных братьев отца погибли в Великую Отечественную, моя родная тетка-военврач спасала раненых на фронте, а всю оставшуюся жизнь работала в госпитале инвалидов войны, и получилось, что Великая Отечественная для нее не кончилась 9 мая 1945-го. Неизвестна судьба другой сестры отца, эмигрировавшей с КВЖД в США. Есть белые пятна в родословной, и есть желание восстановить истину.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ДИНАСТИИ ЛЕЙФЕР

